

того типа бесподлежащих односоставных предложений, которые принято называть безличными, состоит в том, что в них «выражение признака (действия, динамического или статического состояния) в сказуемой форме занимает позицию абсолютного структурно-синтаксического центра» (с. 78). Здесь предикативный признак представлен как бы без «источника». Справедливо отмечая факт массовых совмещений подлежащего с семантической ролью агенса и с функцией темы в аспекте актуального членения, автор обращает внимание на недопустимость смешения структурно-синтаксического и онтологического «источника предикативного признака» и высказывается за трактовку понятия субъекта как онтологического «источника предикативного признака» (с. 83). Думается, такой подход имеет свои преимущества, так как онтологический источник предикативного признака, если он назван в рамках предложения, обозначается гораздо большим числом грамматических структур, чем рассмотренный выше (см. раздел А. В. Бондарко) денотативно-понятийный источник непассивного предикативного признака. В связи с этим онтологическая трактовка источника предикативного признака, т. е. субъект в понимании В. М. Павлова, открывает широкие возможности для сравнительного анализа способов выражения субъектно-предикатно-объектных отношений в языках различных континентальных типов.

Под отсутствием семантического субъекта в предложении автор понимает две различные ситуации: а) отсутствие в составе безличного предложения, в его «плане выражения» некоторого члена, указывающего на предмет, субстанцию, «субъектность» которой определяется тем, что с онтологической точки зрения эта субстанция представляется как производящая предикативный признак и поэтому как первоочередное необходимое условие самого его осуществления; б) бессубъектность в целостном семантическом содержании предложения, охватывающем его «онтологический» компонент, его непосредственно денотативную плоскость, субъект «не мыслится» вообще (с. 84).

Рассмотрение функций субъекта и объекта в аспекте теории валентности на основе концепции С. Д. Кацнельсона в особом разделе (С. М. Кибардина) способствует уточнению их актантных свойств. Понимание *С* и *О* как актантов глагола не совпадает с их пониманием как функционально-семантических категорий, относительно независимых от конкретных глаголов, или с понятием *С* и *О* ситуации. Разграничивая денотативный и понятийный аспекты ситуации, автор определяет *С* в самом общем виде как актант, называющий носителя состояния, производителя (источник) действия. Проблема многоаспектности *С* и *О* удачно решается путем выделения «промежуточной зоны» между субъектными и объектными глаголами (с. 100—114).

Проблема переходности/непереходности глагола, затрагиваемая во всех разделах главы I, является предметом специального исследования в разделах «Переходность/непереходность глагола в системе субъектно-предикатно-объектных отношений» (А. В. Бондарко) и «Категория переходности в ее отношении к лексике и син-

таксису» (И. Б. Долинина). В первом из этих разделов обосновываются понятия транзитивной и интранзитивной ситуации, во втором дается характеристика лингвистического статуса переходности/непереходности. По мнению И. Б. Долининой, явление переходности/непереходности охватывает два типа качественно разных категорий — лексическую и синтаксическую. Первая представляет собой частную категорию классификационного типа, объектом классификации которой является глагол. Синтаксическая категория переходности/непереходности характеризуется как полиреференциальная категория, обусловленная взаимодействием лексических и грамматических факторов.

Из специальных вопросов субъектности и объектности в монографии обстоятельно рассматриваются: субъектность и актуализационные категории предиката (Ю. А. Пупынин), семантика субъекта/объекта и временная локализованность (И. Н. Смирнов), инструментальность и субъектно-объектные отношения (В. А. Яшманова). Рассмотрение этих вопросов способствует более полному раскрытию взаимодействия категорий субъектности и объектности с другими категориями языка.

Основная цель главы II «Коммуникативная перспектива высказывания» (О. Н. Селиверстова, Л. А. Прозорова) — показать, что теория актуального членения фактически имеет дело с целым рядом гетерогенных явлений, которые чрезвычайно важно разграничивать: в частности, важно разграничивать информативную структуру (данное/новое) и функциональную перспективу (это различие сформулировано и в работах М. Хэллидея) [7]. Показывается также недостаточность чисто формального определения темы, данного М. Хэллидеем, как начальной точки высказывания. Приводимый в главе материал свидетельствует о том, что ни «данное», ни «тема» нельзя отождествлять с подлежащим (хотя подлежащее часто выступает в качестве темы и данного). Авторы предлагают новое понимание коммуникативной перспективы, в соответствии с которым в ее построении «участвуют все коммуникативные элементы (КЭ), которым соответствуют члены предложения и их денотаты, а сама коммуникативная перспектива трактуется как последовательность (причем не только линейная) КЭ, которые связаны между собой векторными отношениями» (с. 230). Разработанный авторами понятийный аппарат, безусловно, будет способствовать уточнению понятий «темы» и «данного, известного», хотя пока остается открытым вопрос об иерархии значений, выражаемых одинаковыми средствами.

Глава III «Определенность/неопределенность» содержит два раздела: «Семантика и выражение определенности/неопределенности» (В. Гладров) и «Определенность/неопределенность в аспекте теории референции» (А. Д. Шмелев). В первом разделе семантика *О/НО* также рассматривается в ракурсе теории референции: «на основе противопоставления референтного и нереферентного употребления имен можно понять два различных подхода к сущности *О/НО* — функциональный (также коммуникативный или прагматический) и логический (или когнитивный)» (с. 238). ФСП *О/НО* в русском языке характеризуется автором как